

Информант: Ходуш Роза Исаковна (Р.Х.), 1936 г.р., Киевская область.

В Крыму с 1931 года.

Интервью записано с.Знаменка Красногвардейского района АРКрым 9.08.2006.

Собиратели: Тамара Жук (Т. Ж.) и Елена Кушнир (Е.К.)

Р.Х.: Моя фамилия Ходуш Роза Исаковна. Родилась я в 1930 году, когда была Киевская губерния, ну, Киевская область, место Тараща (город Тараща). Маленький городок, еврейский был. Там мне рассказывали мои родители. Там были и русские тоже, но вообще больше евреев. А в 30-м году мой отец, тогда уже когда стала Советская власть, что уже каждое уже закрыли предприятие, у кого собственное. Мой дед имел подводку и коня. И этим он ездил: кому отвезти, кого привезти. И этим у нас было трое детей и их двое. И когда это все закрылось, вот, стали вербовать на Таврические земли, сюда это, в Крым, вот. У нас своего дома не было, и отец мой завербовался. И мы приехали сюда в эту... деревню. Я живу с 1931 года. Мне было один год.

Т.Ж.: А как она называлась в то время?

Р.Х.: Она называлась восемьдесят девятый участок. А когда определился колхоз в то время – это был колхоз «Красное знамя», Тельмановский район, вот. Курманский был, теперь вот. Ну, мы жили тут до войны, а в сорок первом году, когда началась война, как раз я кончила четыре класса, моя сестра кончила девять классов и брат у меня есть, двадцать седьмого года. Он тоже, кончил наверное, шесть классов. Ну когда началась война, стали забирать в армию, моего отца не брали в армию: он был инвалид у него был... он был горбатый. Когда ему было 13 лет, он рассказывал нам, он упал с печки – когда-то ж были печи, в печах варили и топили, но вы не знаете, вот. И он упал с печи и у него получилось искривление позвоночника. Его не брали на войну, а только на окопы стали брать в Красно-Перекопский район туда возили: и сестра моя ездила, и отец. Ну а потом стало: пришла из района, приехали и сказали, что указ Сталина – я еврейка, чтоб вы знали – указ Сталина эвакуировать всех евреев, потому что немцы ну они не хотят, я не знаю, или не любят как-то. Война началась 21 июня или 22-го, а нас в начале августа, нас эвакуировали. Мы гнали скот колхозный и там нам на брычках, на лошадях мы ехали. Вещи какие-то взяли вот с этого дома, вот. Сколько лет я тут живу в этой деревне – только того, что я была в эвакуации. Вот это отцовский дом, мать и отец, это наша семья здесь жила. Мы зашли в этот дом в 1937-ом году. Мне же было – во втором классе я уже шла с этой хаты, а то мы жили там. Здесь начали этот колхоз, вообще начался в 1925-ом году: начали строить дома, - это Америка помогала – в Америке есть такая, я забыла как она называется, Джойнт как-то – такая. Они помогали, присылали сюда стройматериалы, и все, и строили дома. И в 1925 году уже освоился колхоз «Красное знамя». И вот мы были эвакуированы. Вы, может, смеетесь с меня?

У меня немного склероз. Я многое забываю. Вот, мы были эвакуированы – кто желал. А были такие, кто не хотел уезжать. Хотя мы уехали и коров, чтобы не достались немцам, гнали скот. Много семей нас, большая, вы не знаете, матара такая, что возит солому, длинная, ну вы не знаете если вы с города. А то брычки. Мы на брычке этой. Люди есть по две семьи на этой матаре ехали. И мы этот скот гнали. Догнали до Керчи, а в Керчи там я только увидела что это значит море – я никогда не видела. Нас переправили на Кубань, первая станица, как она называется, в общем, подогнали баржу такую большую, коров у трюм загнали, а мы наверху – брычки наши, в общем, там нас выгрузили, и оттуда мы опять стали гнать. Мы очень мучились, и только в ноябре месяце мы приехали на Кубань, в Краснодарский край, станица Красноармейская. Там нас на какой-то хутор загнали и это вот. Не загнали, но мы там жили, мы там жили почти девять месяцев. Отец и мать работали и сестра. А потом, я вам вкратце скажу, немцы стали подходить к Ростову – и опять пришел приказ от Сталина, чтобы эвакуировать евреев. И нас опять – там сколько – не одни мы были, и много там было, эвакуировали тоже дальше. Также мы гнали коров и до Баку – город Баку, знаете? Азейбарджан, вот. Многие люди

умирали старые, и бомбежки были. На улицах почевали: на дворе под скирдами, вот. Мучились хорошо. Но мы доехали до Баку, а там сдали все этой... И нас повезли на пристань и сказали: вот. И сидели мы тут холодные. Мамка, наша ходила, там какие тряпочки у нас были, меняла на базаре, что дадут ей, кусок хлеба. Ну, давали немножко нам, привозили – очередь стояла, - похлебку какую. Ну мы там почти что месяц сидели и это сказали, должен прийти пароход и тоже увидела я это море Каспийское, уже море считается, вот, и сколько там людей под этим мостом сидело, многие умирали. В общем. Мы дождались этого парохода. Пароход пришел из Красноводска, город Красноводск. И нас погрузили, мы слыли целую ночь – так красиво: я никогда не видела моря, ничего. И первый город, который уже он был первый, что там не было войны, там свет кругом горит, все. И вот в этот Красноводск нас привезли, и подали эшелоны и нас повезли дальше. И мы очутились в Таджикистане, Сталинобад раньше. Сейчас Душанбе, а раньше это был, столица, Сталинобад. Ну из этого Сталинобада нас забрали по деревням, кишлаки. Там одни узбеки и таджики. Мы же не знали, я ишаков не видела никогда в жизни, верблюдов. За нами на верблюдах приехали, на таких тачки такие, такие как я... В общем, мы там жили, в этом колхозе работали. Там было большинство хлопок выращивается. И ходили: мама моя и сестра ходили собирать хлопок, все, там жили мы. Потом немного мы пожили, там кибитки такие, там зимы не бывает, целую зиму мы на камнях варили, вот, себе все, вот, а потом надоело, сестра моя окончила 9 классов, она сказала: «Я пойду в район Курган-Тюбе, сейчас есть такой Курган, вот, Курган-Тюбе, вот. Сталинобадская область была, Курга-Тюбинский район. И в этот Курган-Тюбе она пошла и нашла себе там работу. Она работала в райкоме комсомола в учетном столе, вот. Она немного поработала, а потом она сказал, чтобы и мы переехали. И вот мы переехали и жили в этом Курга-Тюбе покуда кончилась война. А когда окончилась война, мы там тоже, в общем, голодали, людей много понаехало, много эвакуированных таких, вот. Когда окончилась война и мы стали, ну чтобы уже, это было сорок... мы не знали, мы же не знали, что Крым освободился в сорок четвертом году, а мы все ждали конец войны. А когда мы пошли чтобы ехать сюда домой, в эту же деревню, нам сказали, что теперь без вызова нельзя сюда ехать, в Крым, в Крыму идет депортация народов, когда татар забирали, еще каких-то, я не знаю. Ну мы тогда подождали, сюда написали мы сюда письмо, и тут много людей, которые с нами жили тут, и русские были, все. И нам прислали вызов. И только в ноябре месяце 45-го года мы попали вот сюда, в эту деревню нашу. Ну, вот так и живу. Я вышла замуж в 50-м году, трое детей.

Т.Ж.: А что за вызов? Это сельсовет выдавал или кто?

Р.Х.: Вызов о том, что имеете право заехать в Крым.

Т.Ж.: А кто это выдавал?

Р.Х.: Выдавал там райисполком, райком, я знаю, кто там выдавал.

Т.Ж.: А скажите, были эвакуированы все евреи или нет?

Р.Х.: Кто желал. А кто не желал, тот не поехал.

Т.Ж.: Еще остались?

Р.Х.: Остались.

Т.Ж.: А вы не знаете, что произошло с теми, кто остался?

Р.Х.: Их никого не осталось. Их всех уничтожили. Когда мы приехали, их уже не было.

Е.К.: А не знаете, что именно произошло, как?

Р.Х.: Ну что, если скажу, еще засудят меня.

Е.К.: Нет, мы ж...

Р.Х.: Ну это ж немцы были, тут тоже в деревне немцы. Они же всех вот как у Киеве, сколько людей уничтожили, вот. Ну и их тоже. Мы приехали – их уже нема, их уничтожили.

Е.К.: То есть, их расстреливали?

Р.Х.: Расстреливали, да.

Т.Ж.: А где, именно здесь?

Р.Х.: Нет, их возили, говорят, что в Джанкой. Знаете, тут есть недалеко отсюда город Джанкой. Он считается, небольшой город, но считается город Джанкой. 20 километров отсюда, вот. Туда их возили, там еще с других районов. У нас был Тельмановский район, ну сейчас Красногвардейский, а то и Джанкойский район, и Красноперекоский район, там всякие, туда возили, их, значит.

Т.Ж.: А кто-то из ваших знакомых был среди них?

Р.Х.: А как же. Ну я же с первого года, с одного года тут живу. Конечно, я знала тех, что они остались, а потом мы приехали, и их не было, вот. А мы так остались живыми всей семьей.

Е.Ж.: А кого вы знали? Вот расскажите.

Р.Х.: ну я не могу тебе сказать. Я не могу тебе, вам сказать даже и фамилии, я забыла. Это было у 45-ом году, вот. Знаю, что мы приехали – их нету. Тут уже почти что и нету евреев, которые многие вернулись из эвакуации, сейчас они все уже поумирали, нет никого. Вот мы тут у деревне две еврейские семьи: я и потом Йоффе у нас есть, да вот. Там он живет на той улице, на Чкалова. А то все: кто уехал, по городам, а кто поумирали, вот так, я одна. У меня муж уер, у меня трое детей. Живут в Красногвардейском две дочери мои, а сын у меня - живет в Молдавии. Аот это т амн, что я могу сказать. Очень мы во время войны намучились, приехали сюда – тут тоже: неурожаи, потому это во время войны не пахалось ничего, не делалось, а потом начали потихоньку восстанавливать И наш колхоз стал уже не «Красное Знамя», а колхоз – нас соединили, вот. У нас тут есть это Берлин – это была немецкая колония, она называется сейчас Плодородное, село Плодородное. И было у нас село Чапаево, создали один колхоз. И назывался колхоз Свердлова. А потом нас соединили еще с «Россией». Колхоз «Россия» там вот, ну где сейчас, сейчас наше село. Восход, село Восход. Наше оно не было Восход, а сейчас – село Восход. Получился большой колхоз «Россия», которого у нас председатель был – Криворотов. Сначала Перевердев, потом – Криворотов. Они были заслуженные люди, вот. Вот так мы и прожили. Ну мне 76 лет, живу, все. Хочу умереть в своей хате. Не хочу никуда.

Е.К.: Вы пока про смерть не думайте.

Р.Х.: Да?

Е.К.: Вам еще жить и жить. А скажите, до войны межнациональный состав какой был в Знаменке?

Р.Х.: Как?

Е.К.: Национальный состав. Кто здесь жил, кроме евреев, еще?

Р.Х.: Многие были русские люди. Да, русские были, работали, дружно жили, хорошо.

Т.Ж.: А других не было?

Р.Х.: Не было. Русские и евреи?

Т.Ж.: А на каком языке разговаривали?

Р.Х.: Кто как хотел. Большинство евреев говорило на своем языке. Например, меня убейте, я не могу сейчас сказать ничего, я уже все забыла.

Т.Ж.: А родители ваши?

Р.Х.: Родители разговаривали между собой: отец и мать по-своему разговаривали. И по-русски они умели так само. А потом начался колхоз, тут и начали уже говорить по-русски. Собрания по-русски велись, не то что именно по-еврейски.

Т.Ж.: А какие-то праздники еврейские, может, отмечали в детстве?

Р.Х.: Я бы не сказала, чтобы так сильно отмечали. Но, конечно, на Пасху еще какие-то есть праздники.

Т.Ж.: А что конкретно делали на Пасху?

Р.Х.: На Пасху хлеб нельзя кушать – надо кушать мацу. Это потому, что евреи, это мне рассказывал мой отец. Этот праздник состоит из того, что евреи – у них не было своей родины. Они ходили везде и искали родину. И шли там по воде по большой вот, и у них нечем было. Они шли голодные, нечего было кушать, и они помолились Богу, ну, по-

своему, я не могу это сказать, что, Господи, дай нам что-нибудь. И вдруг, говорят половицу: «С неба манна». И вот, с неба манна посыпалась. И они пригоршнями набирали эту манну, ну как мука, и водичкой той, где они шли, похлепали и такие делали лепешки тоненькие и держали на руках, а там сильная жара, где сейчас вот Израиль – тоже там, сильно жарко. И сюда на плечи ложили, чтобы солнце, и это кушали. И они долго шли, получили, покуда не нашли себе родину и дали себе такой указ, что сколько мы будем жить, мы никогда не забудем это вот и семь дней, семь дней нельзя кушать хлеб. Только это вот.

Е.К.: А что еще, кроме мацы, было?

Р.Х.: Что у кого есть, то и кушали. Это как всегда. Но главное – хлеб нельзя кушать.

Т.Ж.: А если хлеб оставался – куда его девали?

Р.Х.: Ну хлеб в этот день, раньше ж не то что в магазине покупали, а раньше до войны вот тут в этой хате у нас была груба и мама пекла хлеб. На неделю она напекала, там пять или шесть булок, столько, вот. Мы кушали хлеб. А в эту неделю хлеб этот, все, не пекла, не делался, только вот эти вот, напекли, их много, вот, и положили и каждый день давала мама.

Е.К.: А какие-то песни пели еврейские?

Р.Х.: Пели, но я не могу. Я даже слова уже не слышу, вот. Пели, красивые еврейские песни. Иногда даже привозили, ну, в Симферополе синагоги были, в Курмане не было. Курман – это раньше было станция, Красногвардейское было Курман-Кимельчи, это.

Т.Ж.: А что это означает?

Р.Х.: Это значит по-татарски.

Е.К.: Что?

Р.Х.: Ну я не знаю что, но это татарское, вот. Блюк-Онлар – это Октябрьское раньше было, до войны. Октябрьское Бл.к-Онлар. Ведь татары жили здесь там тоже, что ихнее было название – Курман-Кимельчи. Вот такое.

Е.К.: А в какой Вы школе, русскоязычной учились?

Р.Х.: Мы учились в русской. В еврейской школе я отучилась только полгода. А потом сказали, что будет, будет только русская школа. И я перешла. Я только умею расписаться свою фамилию по-еврейски как раньше или же написать вот в классе же пишут «школьная работа». Ну как это, «классная работа». Вот так, я же забываю. А я писала, а по-еврейски, это я могу сказать вам, может, вы будете смеяться: «Арбе тин класс». «Арбет» - это значит «работа», «ин» - это «в», например, в классе. «Класс» не меняется так, ну вот. А сестра моя, когда здесь запретили уже еврейские школы, она училась в Симферополе, и там она окончила семилетку. Потом приехала сюда. Здесь в нашей деревне была школа – вот сейчас, может, вы шли, там большой дом, там сейчас контора, я не знаю, там сразу, как идешь, сразу. Ну и это была школа у нас, мы учились – первый и второй класс – в первую смену, а третий и четвертый – во вторую смену.

Е.К.: Скажите, а как вы думаете, почему запретили еврейские школы? Кому они мешали?

Р.Х.: Не знаю. Не могу сказать. Я ничего не могу вам сказать.

Е.К.: А по этому поводу ничего не говорили, вот, в семье?

Р.Х.: Нет. Когда закрыли, я полгода успела поучиться, а потом перешла в русскую, по-еврейски. У нас был тут, у нас недалеко жил, он умер уже, 28-го года, Вася Кузьма. Он со мной ходил во второй класс и со мной учился по-еврейски. И вот он сейчас умер, а то как пройдет мимо меня, так он и запомнил меня, и по-еврейски говорил, вот, недавно он умер. Так он учился с нами. Но ему говорили по-русски.

Е.К.: А Вы не знаете, как переводится вообще имя и фамилия?

Р.Х.: Нет, не знаю. Моя девичья фамилия – Сурео. А я 49 лет прожила с мужем. Его фамилия – Ходуш.

Т.Ж.: Как его звали?

Р.Х.: Александр Иосифович. Отчество у него правильное – Иосифович, но звали его по-еврейски Илья. Но, знаете, смеялись раньше с евреев, особенно после войны, на еврейские имена очень.

Т.Ж.: Да? Кто смеялся?

Р.Х.: Ну, люди есть такие. Так вот он пошел в армию – он служил в армии 7 лет. В 43-м году, он 26-го год. Его забрали в армию, они были в эвакуации в Азербайджане, вот он там записался Александром. Так что его звали Александр, только так, сказали, а по документам он Шая Иосифович. Так его и звали.

Е.К.: Это полное имя – Шая, да?

Р.Х.: Да, Шая – это имя. А Иосифович у него – отец, он тоже тут похоронен.

Т.Ж.: Скажите, а еще какие-то еврейские праздники, кроме Пасхи, отмечали?

Р.Х.: Отмечали «Рош а - Шунэ», вот.

Т.Ж.: А что это?

Р.Х.: Ну это такой праздник. Вот такие дела. Вот, я вам сейчас принесу – в Симферополе есть еврейская община. Они помощь нам дают – Германия убивала евреев, а теперь она, как бы, она перед ними извиняется или что, выделяет средства в Симферополь Америка и Германия. Вот, евреям нам, дают каждый месяц посылки продуктовые, там, что-нибудь. Ну и вот я вам покажу такой календарь еврейский они каждый год дают.

Т.Ж.: А на этот праздник, Рош а - Шунэ, что делали?

Р.Х.: Ну что, собирались, молились. Я была малая еще, не знала, а отец и мать ходили, вон, сзади, дом. Там тоже жили евреи и у них собирались, вот. Это такой праздник вот. Пурим есть праздник. Потому есть такой праздник, что нельзя целый день кушать. Забыла, как он называется, может быть, вспомню. Вот, мама и папа покушают, вечером, покушали и на другой день аж, когда первая звезда на небе зажжется и то тогда лишь кушать можно. Вот такой вот праздник. Йом Кипер.

Е.К.: А как это переводится?

Р.Х.: Не знаю Вот так.

Е.К.: А вы не знаете, остальные евреи как праздновали? Может, вы вместе собирались?

Р.Х.: А так же, собирались в клубе, пели, кто мог, по-еврейски, танцевали. Ну и русские были. Потом стало уже, считай, наполовину было, вот Это было – Хнаменка, 89-й учасьлк – там было много евреев.

Т.Ж.: А после войны тоже было много?

Р.Х.: Тоже. Те, которые пришли, остались живы после войны. У них тут дома были. Мы пришли, а тут женщина живет – она освободила, когда мы приехали. И мы зашли в свой дом. А много людей сразу после войны поработали немного – и стали по городам уезжать, знаете, так.

Р.Х.: А что, они были у Суперфина дома?

Е.К.: Да.

Т.Ж.: Скажите, а вы русских приглашали на еврейские праздники?

Р.Х.: Не могу тебе сказать, не знаю. Да нет, наверное.

Т.Ж.: А русские вас приглашали?

Р.Х.: Сказать, чтобы так... Ну, дружно жили. Я вот пошла работать – мне было 15-й год, когда мы приехали с эвакуации я пошла работать в поле и здесь евреев было маловато, и я с русскими женщинами всю жизнь работала, 40 лет я отработала в этом колхозе, вот, 40 лет.

Е.К.: А друзья у вас были кто по-национальности?

Р.Х.: Да все все были друзья. Те, сколько у меня было друзей – никого не осталось. Все, которые были – вон, в Израиль поужжали.

Т.Ж.: А как Вы с мужем познакомились?

Р.Х.: Я познакомилась – я вам расскажу. До войны еще небыло этой трассы, здесь была дорога сплошная, забыла, как она называется. А потом вышел указ – это был 49-ый год – провести дорогу вот одну вот – Москва-Симферополь, вот эту трассу. И строили эту

трассу военные. И вот мой муж, он был сержантом. Они приехали, может вы ехать, от Курмана ехали сюда, может, заметили, мост, такой красивый, когда ехать в Курман и из Курмана есть, недалеко отсюда по трассе. И вот его рота, или как оно называется, строили этот мост. Вообще, много тут военных, они тут были, в палатках жили потом. А некоторые клуб заняли, ночевали там, все, на улице они готовили себе все, вот. И вот я тогда с ним познакомилась. А он, забыла в каком городе, потом тут построили – и уехали. И он писал мне письма. А в 50-м году он демобилизовался. Вот, приехал осенью, мы сеяли пшеницу в поле, здесь не было, вот тут какая проходит. Северо-Крымский, а тогда не было, просто за деревней и сразу. Мы сеяли вот, привез нам, старенькие машины, это было уже, ну, в 50-м году, привез нам пшеницы и мы насыпали и сеяли. Еще одна была, Катя была, белорусская девочка, очень хорошая, не знаю, где она сейчас, вроде, в Севастополе, не знаю. И вот, это, дед говорит: «Смотрите, девчата, какой солдат идет сюда». А он мне письма писал и сказал, что вот он должен мобилизоваться. Он жил в Евпаторийском районе, его родители. Я посмотрела – он идет. И он сказал, что он в Джанкое вышел в поезда, вот, может, я вспомню, в каком городе. Его часть, я знаю, была, я писала ему письма, № 2823. Прошло уже 5- лет, но я запомнила, как он писал мне, письма, а я отвечала. И он приехал после войны, побыл несколько дней, поехал в Евпаторийский район, там побыл немного, и приехал до меня. Приехал, и мы 9-го декабря расписались. Пришли мы в загс, тогда уже мы были очень бедными, у меня ничего не было: ни одеться, ничего, вот. Все люди, девчата, но тогда еще бедность была, кто – марлевая фата, а кто – тюлевая фата, а мы с ним стоим – так никто не подумал, что это мы тоже жених и невеста, пришли расписываться. Мы пошли по трассе – еще не ходили машины, по дороге так прошли, и расписались, и так мы жили, это он остался тут, и так мы с ним и жили. Вот он до сих пор жил. Трое детей у меня, две девочки – одна живет на Петровке, а одна живет на Канале. Вы, может, не знаете тут, вы не здешние.

Е.К.: Ну, немножко знакомые места.

Р.Х.: Вот так вот.

Е.К.: А чем они занимаются?

Р.Х.: Ну я вам скажу. Старшая дочь у меня работает – я даже не могу это выговорить – она работает у Курмане с пенсионерами. Как оно называется, я забыла, там специально есть такое помещение, и по району она ездит, вот. А вторая дочка у меня – она бухгалтер, работает в районо. Внучка у меня Юля, с 83-го года, закончила институт в Симферополе, сейчас она работает в Красногвардейском казначействе, вот. Внук один, большой, Игорь, он 72-го года, мальчик уже у него – 8 лет. И еще у меня Феликс есть – недавно с армии пришел, еще не женился. И Миша у меня – уже двое детей у них.

Е.К.: А что вы слышали о судьбе крымчаков и караимов?

Р.Х.: Ну тоже ж, говорили, что их вначале – до войны их много было, в городе – в Симферополе, Джанкое. У нас в деревне не было.

Е.К.: А что это за народы?

Р.Х.: Даже не могу вам сказать. Народ такой неплохой, хороший народ. А вы знаете, кто они такие?

Т.Ж. и Е.К.: Нет.

Р.Х.: Ну и я не знаю.

Е.К.: А они отличались чем-то от других?

Р.Х.: Ну, я вам скажу, каждая нация чем-то отличается. Каждая. Русские от евреев, татары от другого. Так и они. Но вообще они очень красивые, хорошие люди.

Т.Ж.: А чем евреи от других отличаются?

Р.Х.: Ну бывает, конечно, отличаются. Сейчас уже не чувствуется, девочки, а после войны, что немец натворил, очень много людей действительно отличались. Смеялись с евреев.

Е.К.: А вот почему?

Р.Х.: Но знаю, почему. Что еврейские имена такие: Авбрам, такой, Сара, Аврам, все. Хоть не картавишь, все равно они говорили. Ну а потом прекратилось.

Т.Ж.: Но были же и другие национальности, например, татары, армяне. С них тоже смеялись?

Р.Х.: Ну тут не было. Особенно армян тут не было. Вам скажу, что все наши имеют свои республики, все, Грузия и Армения, и казахи, таджики, а вот у евреев нет постоянной такой ну республики, ну такой. Говорили, что там в Биробиджане есть этот вот как она называется – забыла, что там евреи жили. Иногда здесь вербовали туда, до войны еще. Отец мой не захотел туда.

Т.Ж.: А почему?

Р.Х.: Не знаю. Это далеко, и холод такой. Биробиджан, город Биробиджан. Но это туда, на север. Это считалось, может она и сейчас считается, я не знаю. Она считалась Еврейская республика. Но мы уже так приехали сюда, вот и живем. Мы рожденные в Украине. Наши корни – в Украине: отец мой, мать. Вот мама моя – еврейка, а ее фамилия – Козлова.

Е.К.: А были у Вас в семье смешанные браки?

Р.Х.: В семье? Ну, я вам скажу? Ну, мой муж был еврей, вот. Мой брат женился на еврейке, он 27-го года, она с 32-го года. И моя сестра, после войны он пришел с войны. Володя Парадиз, у него тут была семья, они не эвакуировались, и он никого здесь не встретил, никто не остался, - только его дом. И сестра моя вышла за него. Нет у нас смешанных браков. Смешанных браков у нас пока нет.

Е.К.: А у знакомых?

Р.Х.: У знакомых. Кто у меня знакомые – есть у меня вот Шура Курочки на – она живет в Израиле. Они тоже тут жили, но они уже старые и уехали к детям. Сегодня написала ей письмо. Она – да, еврейка, а муж ее был, да и сейчас есть, Курочки – русский. Не русский, а украинец, из Сумской области. Это не Украина?

Е.К.: Украина.

Т.Ж.: Скажите, Вы сами хотели, чтобы Ваш муж был еврей или родители запрещали Вам общаться с другими детьми?

Р.Х.: Я скажу вам по правде, что он у меня был первый мужчина, как говорится, он приехал сюда, тут они работали. Я с ним как познакомилась, вот, я узнала, что он еврей, не потому это я вот. И вот он у меня один в жизни был. У меня других не было.

Т.Ж.: Но родители Вам не запрещали дружить с другими, русскими, с украинцами?

Р.Х.: Никто ничего не запрещал, но я была такая, что не очень сильно увлекалась гуляньями. Еще один парень у меня был, тоже еврей. Они во время войны попали сюда, после войны. Они сами жили в Днепропетровске. Тоже, семья эта мама, и сестры. Он сильно ухаживал за мной. Я с ним и не очень так, но когда зашла эта часть, ну пришел такой. Меня мама с папой ругали, а мне вот лучше понравился этот.

Т.Ж.: А родителям нравился тот?

Р.Х.? А родителям нравился тот. Этот военный - он сегодня тут, завтра – там, он тебя бросит – все так мне говорили. Но, а мне он понравился больше. Он приходил, и тот приходил, и они так дружно общались. А потом он уехал. Они уехали в Керчь. Может, он там и сейчас живет, я не знаю. Он уехал в Керчь.

Е.К.: А какая здесь была послевоенная жизнь?

Р.Х.: Ну после войны плохо было. Во-первых, не было хлеба вдоволь, ничего, и после войны все запущено было, вот, не было техники, чем это сделать все, не было удобрения. Конечно, плохо было. С 46-го года по 50-й очень плохо было, голодные мы были, вот. Ходила я, еще была меньшая, ходила щавель нарву, конский щавель, вы не знаете его? Вы не знаете, конский щавель. Вот это все мама сварит, и посыпет немножко там мукой – вот это мы кушали. У меня брат был, сестра наша вышла замуж за этого что, я говорю, пришел с войны, а мы с братом и мамка сварит затирку – ну, вы не знаете, оно такое редкое и мы с одной ложечки с ним кушаем, и у нас договор: не будем глубоко ложкой,

что мы юшку выпьем, а потом уже там немножечко гущи покушаем. Тяжело очень было. Я даже говорила отцу, что неужели когда-нибудь, будет лежать хлеб на столе, и я не захочу, вот так. Отец мне говорил: нет, скоро будет такое время, что будет лежать хлеб на столе, а ты его не возьмешь, не захочешь уже кушать. А я такого даже не представляла. Очень мучалися, очень. Так что мы работали в колхозе, один год я с мамой работала на огороде, а потом уже пошла в полеводство. И с тех пор я работала, пока не пошла на пенсию в 1985-м году.

Т.Ж.: А какую работу конкретно Вы выполняли?

Р.Х.: Все. На виноградниках, в садах, на огородах. Все, это нам говорили делать.

Т.Ж.: Скажите, а может вы помните, что в детстве готовили какие-то блюда, какую-то особенную еду?

Р.Х.: Где-нибудь, может, готовили, а мы в колхозе, раньше не было *свиней* ж так, в магазинах, как сейчас. Все мама варила, свинью держали и там курицы какие. Варили, да и все.

Т.Ж.: А свинину кушали?

Р.Х.: Кушали, кушали! Когда отец мой приехал сюда, там мы, в те времена, это они мне так рассказывали, Боже избавь, чтобы свиное мясо, сало ели евреи, нельзя. А сейчас – сюда приехали и стали все кушать и по сей день кушаем.

Т.Ж.: А может, что-то рассказывали родители о дедушке и бабушке?

Р.Х.: Ну рассказывали. Господи. Мама была – у нее рано умерли родители. Отец тоже был без матери – мать рано умерла. Сошлись вот. Рассказывали всякое что было. Вот такие дела, девочки. Вот так прожила я век и все.

Е.К.: Ну как Вы считаете, вот сейчас, когда прошло много лет, у Вас была счастливая жизнь?

Р.Х.: Была счастливая. У меня было трое детей, двух стариков я тут досмотрела. Работала в поле. Утром ухожу на работу, дести – в садик, вот. И вот так жила. Все так жили. Уже не было – кушать было что, все. И шли утром рано на работу, на обед приходили на час – полтора. Потом опять уходили. А были такие места, где далеко виноградники и мы там целый день были. Ну там детей – в садик. Сперва держали мы хозяйство, потом, не помню в каком году, сократили: пришел такой указ, чтобы не было хозяйства з коров, чтоб не было. Колхоз давал нам молоко, и мы своих коров сдали.

Т.Ж.: Обязательно нужно было сдавать?

Р.Х.: Да. Потому что это указ правительства был.

Т.Ж.: А все сдавали?

Р.Х.: Все сдали, да.

Е.К.: Добровольно или вот некоторые не соглашались?

Р.Х.: Все сдали, кому сказали - все сдали. А теперь тоже держат коров – кто хочет. Вот так мы прожили всю жизнь, вот. Конечно, я очень, мы, вот наша семья, очень благодарна Сталину за то, что он дал указ эвакуировать евреев, а то бы нас не было, как и тех, которые тут были, которые остались. Мне рассказывали русские, когда я приехала. У меня подружки тут были русские, они рассказывали как вывозили, как все и не привезли назад.

Т.Ж.: А расскажите, что именно они говорили?

Р.Х.: Ну что, говорили, что их забрали, в бричке погрузили, отвезли в Джанкой. Там ров был. Где-то, и там их постреляли.

Е.К.: А много людей увезли?

Р.Х.: Тут сколько их было – я даже не могу вам сказать. Они не хотели ехать: им жалко было бросать дома, они моему отцу тоже говорили: «Куда ты их везешь? И там все погибнет в дороге». А отец мой сказал: «Нет, я хочу спасти детей, я хочу эвакуироваться и там, может быть, мы останемся живыми, а тут – кто его знает». Вот так – получилось.

Т.Ж.: А когда Вы уезжали, вы же все здесь оставили?

Р.Х.: Все оставили. Только взяли самое необходимое. На бричку ж не положишь кровать или что. Постель да еду какую-то, одежда какая-то.

Е.К.: А вот до войны были какие-то слухи, что евреям грозит опасность?

Р.Х.: Не скажу я тебе, не знаю, знали ли они или нет. Я только знала одно – был указ. Собрали всех людей, здесь было больше евреев, приехало с района начальство, и сказали, что вышел указ – Сталин издал указ всех евреев эвакуировать. Понятно?

Е.К.: Но эвакуировались не только евреи?

Р.Х.: Русские – пожалуйста, тоже едите, кто хотел. А евреи – тоже их никто не выгонял – сказали: эвакуация евреев. И кто желает – тот поехал. Мы были эвакуированы – на улице была семья Вакеманов. И мы были эвакуированы и уже сидели в Керчи на пристани. А у них зять был, и он сказал: «Надо вернуться. Они нас не тронут». И вернул свою семью: у него была жена и несколько детей, не помню сколько. И такие люди хорошие, и что, все равно, увели и всех их убили.

Т.Ж.: А почему они были уверены, что немцы их не тронут?

Р.Х.: Вот он был уверен, что нет, и забрал их назад.

Т.Ж.: А они не пытались прятаться у русских?

Р.Х.: Не знаю, я ж тут не была.

Т.Ж.: А Вам не рассказывали?

Р.Х.: Рассказывали, что их... Ну, мы приехали – нема того, того. Они сказали, что их немцы вывезли с семьей и уничтожили. Как у Киеве. Сколько лежат – Бабий Яр называется. Там показывают кинофильмы и все. Показывают, как они шли к этому яру. Вот такие дела.

Т.Ж.: А что здесь еще происходило во время войны?

Р.Х.: А кто знает. Я ничего не знаю. Мы уже приехали в 1945-м году, в ноябре месяце. Конечно, мы, как писалось в газетах, сводках, мы думали, что здесь все поломано, все побито. А когда мы приехали – деревня, как была, так и стоит. Ничего не тронут. Только дома заняты – люди из городов. Вот здесь у нас женщина жила с сыном. Она из Керчи. Боялася, что там убьют немцы и она – русские люди. Она из Керчи шла пешком сюда, но дороге. В деревню она зашла, вот был пустой наш дом – она тут жила все время. Потом они уехали назад.

Т.Ж.: А дом был цел?

Р.Х.: Дом был цел. Когда мы пришли, дом был цел, да. Никто его не поломал. Вот тут напротив жил, Давтенко фамилия их, уже и нема никого, он был бригадиром огородника. Мы закрыли на замок и дали ему ключ. Когда... вот он пустил людей. Вот такие дела. Вот так я прожила, проработала. Работала я хорошо, честно, была заслуженная колхозница в последнее... когда я вышла на пенсию. И все. И вот это все там будет слышаться, да? (о диктофоне). Еще засудят меня. Но ж плохого ничего не говорила.

Е.К.: Нет, конечно.

Т.Ж.: А после войны люди каких национальностей жили?

Р.Х.: Ну вот кто приехал после войны, кто остался живой, тот и жил. Не захотели люди жить – то уезжали в города, у кого там есть. Все были: русских уже много было. А потом белорусов вот много поприезжало людей. Уже в 6-70-ые годы приезжали на заработки. \

Т.Ж.: А татар, армян не было?

Р.Х.: Татар не было. В нашей деревне не было татар. До войны был один. В колхозе были барашки, он их пас и поил. Я помню, один человек. Татары после войны теперь вот только приехали.

Т.Ж.: А как к нему относились?

Р.Х.: Обыкновенно. К нему как ко всем. Работал он, барашков тех смотрел.

Т.Ж.: Но никто над ним не смеялся?

Р.Х.: Ну а кто будет смеяться? Нет. Что я помню? Мне было 11 лет.

Т.Ж.: Но дети дружили между собой?

Р.Х.: Мне кажется у него небыло тут татарских детей. У нас тут вот Кузема был, русский мальчик, потом немецкая семья тут жила. Их у 40-х тоже их вывезли, хорошие такие, немецкие. Их вывезли.

Т.Ж.: А куда их вывезли?

Р.Х.: Их вывезли в Казахстан, туда, далеко. Вот, в Берлине вся деревня, большинство. Ну, может быть, несколько семей было русских. В этой деревне их всех вывезли.

Т.Ж.: Это немцев?

Р.Х.: Да, они были. У них было вот это Плодородное, вот оно два километра или три отсюда. Это была ихняя деревня, немецкая. Они построили дома там, колонии. Потом их вывезли, когда началась война. Их вывезли отсюда. Потом у нас, болгарин он был, хороший мужчина, забыла как его звали.

Т.Ж.: Это было до войны?

Р.Х.: До войны. Он был бригадиром огородной бригады. У него была девочка одна, такая как моя сестра, и два мальчика. Они ходили с нами в школу, такие хорошие люди.

Т.Ж.: Это в еврейскую или в русскую?

Р.Х.: Еще в еврейскую, а потом и в русскую. Вот.

Т.Ж.: А учителя были русские, в большинстве, или евреи?

Т.Ж.: Была тут в деревне Берта Давидовна, забыла как ее фамилия и Фаня Ефимовна. Фаня Ефимовна – она была из Симферополя – я у нее училась. Я очень ее любила – хорошая женщина. Она девушка, она тут вышла замуж за Чебинских – их нема никого. – они е эвакуировались. Были две учительницы: Берта Давидовна вела два класса и была, считалась заведующей школы. Вот тут недалеко от меня была школа.

Т.Ж.: И все? Больше не было учителей?

Р.Х.: Не было. При мне. Я окончила 4 класса, все, и началась война. В 37-м году я пошла в школу и в 41-м уже началась война.

Т.Ж.: А в классе с Вами учились болгарин, русский?

Р.Х.: Вот эти болгары уже приехали попозже. Я уже с ними не училась. Уже война была, все вот. А был, вот я ж вам говорила, Кузема.

Т.Ж.: Это один только русский?

Р.Х.: Один Вася. Вася Кузема, а потом еще какой-то был Коля, мальчик. Забыла как и фамилия. Вот это, потом Коля... куда-то уехали, а Вася так и жил. Тогда на Украине был большой голодомор. И сейчас про него говорят. Она пришла, это ее звали Лиза, его мама, Кузема, она присела с ребенком на руках сюда, чтобы ее приняли сюда жить. Она с Украины шла. И так, и она умерла, и он умер в прошлом году – он 28-го года был. Он жил постоянно, всю жизнь здесь, с 33-го года. Я считалась самая старшая жительница этой деревни – это я. Я с 31-го года, а он с 33-го.

Е.К.: А Вы говорили про семью Иоффе, кто это?

Р.Х.: Он всю жизнь проработал – он водитель, шофер. Жена у него, Тоня, она – не еврейка, но хорошая женщина. Они поженились, у них двое детей. Одна живет в Восходе, его забыла как ее зовут, и сын – он был летчик, сейчас он вышел на пенсию, он далеко на севере служил. А сейчас он на пенсию вышел и приехал в Симферополь. А эти – здесь. Вот такие дела. Хорошие люди.

Т.Ж.: А сколько в классе было человек в школе?

Р.Х.: Откуда я могу, дорогая моя, знать.

Т.Ж.: Ну, примерно.

Р.Х.: Даже не могу сказать. Но много было. Один ряд был, например, я была в первом классе. Вот наш ряд – это первый класс, а рядом – четвертый. Два ряда и одна учительница преподавала.

Е.К.: А в ряду человек шесть или больше?

Р.Х.: Шесть? Нет, больше.

Е.К.: Больше?

Р.Х.: Сидели мы по два человека.

Т.Ж.: То есть это были еврейские дети?

Р.Х.: Когда я пошла в школу, да. В основном, да, тогда.

Т.Ж.6 А сейчас Вы бы не хотели уехать в Израиль?

Р.Х.: Если бы мои дети ехали, конечно, я б сама не осталась. А если мои дети не едут – чего я там поеду? Кто меня там ждет? Вот моего мужа брат – у него два брата – они жили в Симферополе. Они уехали. Они очень и очень жалеют. Вот она мне присылает письма – его жена, Володи Ходуна, моего мужа брата, и говорит, и очень жалеет, что они туда уехали. Жили они в Симферополе, имели хороший дом, все хорошо было – нет, захотелось им: люди едут. Ну, пускай едут люди. Мои дети не хотят ехать.

Е.К.: А почему? Им плохо там?

Р.Х.: Им хуже чем здесь. А особенно сейчас. Там сильно опасно. Сейчас там вообще война идет. Им было тут неплохо. Вы думаете, вот много людей уехало, и в Израиль, и в Германию, и в Америку. Вы думаете, они уехали от нужды, что им тут плохо было, нечего было кушать, нечего было одеть. Да такие поехали, что они вот так здесь жили. Чего ехать? Ну это у каждого свой вкус. Мне некуда ехать. Мои дети тут и я с ними.

Т.Ж.: А для Вас родной язык какой?

Р.Х.: Мой родной язык – уже я его забыла, та и не с кем мне на нем разговаривать. С кем? Так что мой родной язык – русский. Я очень обижаюсь, когда вот по телевизору ругаются за язык, что не хотят, чтобы был русский язык в Украине. По-моему, это никому не мешает, русский язык – он спокон веков идет по свету, и в каждом государстве есть он, потому что есть русские люди. А они вот за него ругаются, из-за него из-за русского языка.

Е.К.: А украинская речь здесь была?

Р.Х.: Здесь много украинцев. И сейчас много украинцев. И разговаривают они и по-русски и по-украински. И я могу им тоже ответить по-украински. Но считаю, что русский язык – это самый общий язык для всех: в каждой стране он есть, в каждой стране, вот.

Е.К.: А сохранились ли у Вас какие-то фотографии довоенных или военных лет?

Р.Х.: Есть у меня фотография, где я стою в нашей еврейской школе, и написано: «Еврейская школа», вот. И я стою во втором классе. Есть у меня, брат мой там, вот. У меня есть такие карточки, но это долгое дело. Есть фотография второго класса, написано: «Еврейская школа».

Т.Ж.: А до войны Вы знали только русский язык или еще какой-то?

Р.Х.: Да, еврейский и русский.

Т.Ж.: С родителями Вы также разговаривали на еврейском?

Р.Х.: Может быть. Я даже забыла, что я разговаривала по-еврейски. И мне кажется, что я всю жизнь говорила по-русски. Я только слышала, что мама с папой как сидят, они по-своему говорят.

Т.Ж.6 А украинский где Вы выучили? Когда?

Р.Х.: Украинский я выучила потому, что сюда приехало много украинцев. Их сейчас очень много. И мне говорят, и я могу им ответить, и знаю.

Т.Ж.: Но Вы бы не хотели, чтобы государственный язык был украинский?

Р.Х.: Почему я не хочу? Я живу в этом государстве. Но я хочу, что вот люди требуют, чтобы рядом с украинским стоял и русский язык. Понимаете, что я хочу. Чтобы он числился, что он есть, что им можно общаться. Вот, например, документы, все по-украински делают, все-все. Даже в паспорте, ну, правда, еще, слава тебе Господи, один листик русский, вот, есть. Все переходим в украинский. Пускай будет, я ничего не имею, но русский язык, я желаю, что покуда я живу, я имела право на него, общаться с людьми. Понимаете? Вот такое, вот.

<http://collections.ushmm.org>
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection